Магерамова Ю. Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Ю. Ю. Магерамова // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 93—102. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-93-102.

Mageramova, Yu. Yu. (2018). Legal and Linguistic Contradictions in Concept of “Insult” Interpretation. *Nauchnyy dialog, 7:* 93-102. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-93-102. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81’33+340.132.642:340.132.624
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-93-102

Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление»

© **Магерамова Юлия Юрьевна (2018),** orcid.org/0000-0003-4274-2371, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики, Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия), mager.u@bk.ru.

Рассматриваются вопросы правовой и лингвистической трактовок понятия «оскорбление». Актуальность обусловлена тем фактом, что в настоящее время по-прежнему частотными являются обращения граждан в правоохранительные органы с целью защиты своей чести, достоинства, ограждения себя от оскорбления, попытки унизить человеческое достоинство. Авторы обращают внимание на следующее: несмотря на многолетнюю практику применения статьи «Оскорбление» в ходе судебных разбирательств и, на первый взгляд, всю очевидность признаков оскорбления, в процессе правоприменения возникают взаимоисключающие интерпретации и многочисленные противоречия, что приводит к необходимости привлечения экспертов-лингвистов. Именно поэтому в статье уделяется внимание рассмотрению различных точек зрения на оскорбление в юридической и лингвоэкспертной сферах, предлагаются результаты их сопоставительного анализа. Поднимается вопрос о необходимости в процессе лингвистической экспертизы речевого акта оскорбления принимать во внимание ряд факторов, в том числе и особенности регионального использования лексических единиц.

Ключевые слова: юрислингвистика; лингвистическая экспертиза; оскорбление; инвективная лексика.

1. Правовая оценка акта оскорбления

В современной России существует ряд правовых актов, которые призваны находиться на страже чести, достоинства, доброго имени личности. В первую очередь это высший нормативный правовой акт Российской Федерации — Конституция РФ, в которой, в частности, в статье 21 главы 2

закреплен факт того, что государство принимает под свою защиту достоинство личности. Статья 23 этой же главы гарантирует защиту чести и доброго имени каждому человеку. До 2012 года в отечественном законодательстве статья 130 «Оскорбление» была включена в состав уголовного кодекса. В целом данная статья повторяет основные положения советского уголовного кодекса: оскорбление — преступление, заключающееся в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме (ст. 130 УК РФ). Данная статья утратила силу в январе 2012 года и была полностью заменена статьей 5.61 КоАП РФ, предусматривающей наказание за унижение чести и достоинства человека (однако в рамках уголовного кодекса сохранились статьи 297 «Неуважение к суду», 319 «Оскорбление представителя власти» и 336 «Оскорбление военнослужащего»). Таким образом, оскорбление личности в целом декриминализировано, так как приобрело статус не преступления, а административного правонарушения.

Несмотря на многолетнюю практику применения данной статьи в ходе судебных разбирательств и, на первый взгляд, всю очевидность признаков оскорбления, в процессе правоприменения возникают неоднозначные трактовки и многочисленные противоречия. Основными причинами этого, как представляется, становятся как минимум два обстоятельства: во-первых, то, что в основе данного вида правонарушения лежат морально-нравственные категории чести и достоинства, которые, являясь понятиями абстрактными, не всегда поддаются четкому и категоричному дефинированию, во-вторых, размытость понятия «неприличная форма» выражения, которая также не добавляет ясности в суть вопроса, учитывая к тому же все богатство и многообразие форм выражения смыслов и их интерпретаций, предоставляемых русским языком. Тем более что законодательно ни понятия чести и достоинства, ни понятие неприличной формы выражения не раскрываются. О данной проблеме неоднократно аргументированно писали и продолжают писать правоведы-ученые и правоведы-практики (см., например, статью А. А. Зебницкой и О. В. Зиняковой [Зебницкая и др., 2014]).

Именно поэтому в последние десятилетия так часто в процессе решения задач, связанных с квалификацией того или иного выражения как оскорбления, юристы прибегают к помощи лингвистов-экспертов, и в этом случае назначается лингвистическая экспертиза или делается запрос о филологической оценке, которые являются в суде одним из видов доказательств. Однако следует признать, что и лингвистическая сторона данного вопроса не всегда однозначна.

2. Лингвистические подходы к квалификации оскорбления

Речевой акт оскорбления все чаще становится предметом дискуссий в лингвистической среде в связи с рядом противоречий, возникающих в процессе анализа конкретных способов реализации этого акта. Данные противоречия возникают по многим причинам, из которых нельзя обойти вниманием следующие:

— различия в понимании оскорбления в бытовой, собственно лингвистической и юридической сферах; первое понимание закреплено в так называемом естественном языке, второе — в лингвистической разновидности этого языка, третье же — в юридизированной форме языка;

— неоднозначность понятия «неприличная форма выражения» в лингвистике, в том числе и неопределенность объема этого понятия (с учетом того факта, что сочетание *неприличная форма,* строго говоря, не является лингвистическим термином), не совпадающая в разных словарях система помет по отношению к одним и тем же словам, а также связанная с этим проблема лексикографирования инвективной лексики;

— экстралингвистические составляющие речевого акта (например, коммуникативный контекст), необходимость учитывать которые признается не всеми специалистами, в связи с чем необходимо говорить и об отсутствии унифицированной методики лингвоэкспертного анализа.

Рассмотрим более подробно вышеназванные разночтения, возникающие в теории и практике лингвистической экспертизы.

Оскорбление в правовом смысле этого слова подразумевает унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной форме. Как уже было сказано ранее, в законодательстве не раскрывается смысл понятий, включенных в формулировку статьи об этом административном правонарушении. В юридическом смысле *оскорбление* обозначает дискредитацию человека в своих собственных глазах и в глазах социума, которая задевает честь человека и ущемляет достоинство личности как ее неотъемлемое право. Объективных правовых критериев, по которым можно было бы точно установить факт унижения чести и достоинства, не выработано. В «Комментариях» к данной статье КоАП поясняется, что понятия «человеческое достоинство» и «честь» определяются на основе этических норм и могут быть применимы только к физическому лицу.

Большинство лингвистов, сталкивающихся с необходимостью анализировать спорные тексты на предмет наличия в них оскорбительных слов и выражений, не раз указывали, во-первых, на полисемантичность лексем *честь* и *достоинство*, во-вторых, на их абстрактность, а в связи с этим — на возможность неоднозначного их понимания. Как известно,

юридизированный язык приемлет использование слов только в их буквальном, прямом значении. Если рассматривать это значение на материале толковых словарей русского языка, то следует признать, что сформулировано оно крайне общо, см., например, дефиницию первого значения лексемы *честь* в Малом академическом словаре: «Честь — 1. Совокупность высших морально-этических принципов личности» [МАС, т. IV, с. 672]. Конкретизируют это значение смысловые оттенки данной лексической единицы, приведенные в этой же словарной статье: «// Достоинство (личное, профессиональное, военное и т. п. // Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя // Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах)» [МАС, т. IV, с. 672]. Думается, что оттенок смысла, указанный последним при цитации, вряд ли имеет отношение к анализируемом вопросу. С сугубо лингвистической точки зрения слово *честь* имеет в русском языке еще целый ряд значений (в МАС, например, их всего 5).

Кроме того, И. А. Стернин и многие другие лингвисты указывают также на то, что само понятие, стоящее за словом *оскорбление,* в бытовом, обыденном сознании человека может быть гораздо шире, чем его правовое понимание, и зачастую подменяется понятием, соотносимым со словом *обида*: «…обида основывается на индивидуальной субъективной негативной эмоционально-психологической реакции на слова собеседника, так что обида может быть нанесена и оскорблением, и обвинением, и клеветой, и сравнением, и оценкой, и просто характеристикой, констатацией некоторого факта. Таким образом, обида есть индивидуальная субъективная негативная эмоционально-психологическая реакция человека на сообщение о нем негативной информации» [Стернин, 2013, с. 9]. При этом обида (или оскорбление в обыденном сознании) может быть причинена в абсолютно литературной, даже утонченной форме, что, однако, не может расцениваться как оскорбление в юридическом понимании этого термина.

Оскорбление в правовой сфере считается таковым только при обнаружении в спорном тексте *неприличной формы* высказывания, что, на взгляд многих лингвистов-экспертов, представляет определенные затруднения в связи с существованием разных точек зрения на данное понятие. Не вызывает споров, пожалуй, только вопрос о матерной лексике, которая однозначно признается неприличной как наиболее грубая и вульгарная форма русской брани (хотя вопрос о количестве корней, являющихся, так сказать, системообразующими, тоже не является бесспорным — разными исследователями называется 3, 4, 5 и более корней). Именно эти слова, а также все, образованные от них, И. А. Стернин считает *неприличными* (табуированными, полностью запрещенными к использованию в обще-

ственном месте). По отношению к данной группе слов используется также термин *обсценная лексика*. В некоторых источниках термины *матерный* и *обсценный* полностью дублируют друг друга, в других же — сообщается о том, что мат является лишь частью обсценной лексики русского языка.

В свою очередь обсценная лексика является сегментом бранной лексики. Как отмечает В. М. Мокиенко, «…термины *бранная лексика* и *обсценная лексика* понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: не все бранное обсценно, и, наоборот, не все обсценное — бранно. Брань (как и нем. Schimpfwort), по определению новейшего русского академического словаря — это ‘оскорбительные, бранные слова; ругань’ (ССРЯ, 1, 737), а обсценная лексика (obscenne slova), по дефиниции новейшей же языковедческой энциклопедии, — ‘грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию’. Это столь табуизированные слова, что часто они вынуждают говорящего создавать аппозиопезы (пропуски)…» [Мокиенко, 1994, с. 56]. По мнению исследовательницы Матвеевой, чрезвычайно важным для проведения качественной лингвистической экспертизы является умение эксперта-лингвиста различать лексику инвективную и собственно неприличную. Так, Матвеева приводит список лексико-семантических групп слов, являющихся оскорбительными, в который включены, например, наименования лиц, занимающихся асоциальной деятельностью (например, *бандит, проститутка*); переносные, выражающие отрицательную оценку слова, которые в прямом значении представляют собой стилистически нейтральные номинации лиц по роду занятий (например, *коновал, мясник*); так называемые зооморфизмы, то есть слова, называющие животных в прямом значении, а в переносном —негативно характеризующие людей (например, *кобель, кобыла*); эвфемистические выражения типа *женщина легкого поведения*; индивидуально-авторские образования, создаваемые с целью оскорбить, унизить адресата (например, *дерьмократы*) и др. [Матвеева], при этом указанные и им подобные лексические единицы не имеют неприличной формы выражения.

По классификации И. А. Стернина, с лингвистической точки зрения к оскорбительной лексике относятся слова и выражения, имеющие отношение к одной из трех групп: вульгарные (*рожа, мудохаться* и т. п.), бранные (*сволочь, козёл*) и нецензурные (5 слов и их производные). Однако неприличными с правовой точки зрения могут признаны только слова последней группы. «При этом сниженная, вульгарная и бранная лексика не относится к неприличной, она остается ограниченной в употреблении, неуместной в публичном употреблении, но не неприличной в строго научном

понимании» [Стернин, 2011, с. 6]. Кроме того, лингвисту-эксперту следует иметь в виду, что и нецензурные слова и выражения не всегда могут быть квалифицированы как оскорбление (например, при их междометном употреблении). В случаях, когда невозможно однозначно установить, было ли данное словоупотребление междометным или использовалась полнозначная лексема (это происходит, в частности, при необходимости эксперта работать с косвенными источниками, к примеру, с показаниями свидетелей), корректным является вывод эксперта о невозможности категорического вывода в связи с так называемой нейтрализацией речевых актов (по терминологии К. И. Бринева [Бринев, 2011, с. 8]).

Количественное несоответствие, наблюдаемое в составе оскорбительных слов, может быть объяснено не только экстралингвистическими факторами, но отчасти существованием инвектив, которые формально находятся в пределах литературного употребления, их можно обнаружить в авторитетных толковых словарях русского языка, но при этом в реальном употреблении они тяготеют к обсценности. В качестве примеров таких слов исследователи приводят лексемы *сука* или *гнида*. Безусловно, ряд подобных лексем можно продолжить. Таким образом, можно говорить о целой группе слов, которые, по меткому выражению В. А. Саляева, балансируют «на грани приличности-неприличности, цензурности-нецензурности, табуированности-нетабуированности» [Саляев, 2014, с. 388]. Объективность анализа таких слов затруднена различиями в пометах, которыми снабжены эти единицы в толковых словарях. В. А. Саляев наглядно продемонстрировал этот факт на примере анализа слова *тварь*, которое в одних лексикографических источниках имеет помету *бранное* и квалифицируется частью экспертов как имеющее неприличную форму выражения, другие же эксперты делают прямо противоположный вывод на основе анализа других толковых словарей русского языка, в которых данная помета отсутствует.

3. Пути решения проблемы неоднозначности квалификации речевого акта оскорбления

Решение данной проблемы, по мнению большинства специалистов, возможно путем создания унифицированного словаря данной лексики, который содержал бы единые, обязательные для всех экспертов рекомендации. Попытки создания такого лексикографического источника в настоящее время активно ведутся (теоретическое обоснование словаря инвективной лексики и модель его построения представили, например, еще в начале двухтысячных годов Н. Д. Голев и его коллеги), но пока рано говорить о завершении этой непростой работы. Трудность создания подоб-

ного словаря состоит не только в тщательно выверенной системе помет (по всей видимости, частично отличающейся от общепринятой, например, за счет введения новых помет типа *оскорбительное, неприличное* и т. п.), но и в том, что хронологически, территориально, социально лексемы могут восприниматься с этой точки зрения неодинаково, и, конечно, в зависимости от ситуации и контекста употребления эти лексемы могут варьировать степень своей инвективности вплоть до полной ее утери. Именно об этом справедливо пишет Т. В. Чернышова: «…в обыденном сознании носителей языка бранное слово может как приобретать “неприличную” окраску, так и лишаться её — в зависимости от ситуации и условий общения, статуса коммуникантов, характера их отношений и т. п.» [Чернышова, 2014, с. 390]. Иллюстрировать вышеуказанные расхождения можно на примере особенностей использования и понимания в разных регионах нашей страны лексемы *трасса* и выражения *девушка с трассы*. Последнее словосочетание в речи жителей, например, Алтайского края (по устным свидетельствам барнаульцев) зачастую является эвфемизмом к лексеме *проститутка*. В толковых словарях русского языка слово *трасса* имеет следующие значения: «1. Линия (на карте или местности), намеченное направление движения или пролегания чего-н. *Трасса нефтепровода. Трасса метро.* <…> 2. Дорога, путь. *Автомобильная трасса.* <…> 3. След, оставляемый в воздухе трассирующей пулей или снарядом» [МАС, т. IV, с. 400]. Следовательно, свободное словосочетание типа *девушка с трассы* может быть истолковано вполне нейтрально. В языковом же сознании жителей Колымы слово *трасса* имеет свое, специфическое значение, несколько отличающееся как от употребления в речи алтайцев, так и от использования в литературном языке. Это значение, к сожалению, пока не нашло своего лексикографического закрепления даже в словарях региональной лексики. Кратко его можно сформулировать следующим образом: «Территория, по которой проходит Колымская трасса, включающая в том числе и отдаленные населенные пункты, располагающиеся на этой территории». Добавим, что топоним Колымская трасса является историзмом — сегодня это федеральная автомобильная дорога Р504 «Колыма». Житель Крайнего Северо-Востока России выражение *девушка с трассы* обычно использует в абсолютно нейтральном значении «девушка, приехавшая из поселка, находящегося на территории Колымской трассы». Нетождественность региональных лексико-семантических вариантов вышеназванного выражения однажды едва не стала предметом судебного разбирательства, когда один из участников коммуникации (таксист, житель г. Магадан) задал совершенно нейтральный, с его точки зрения, вопрос девушке, прилетевшей из Барнаула: *«Ты что, с трассы?»*, который она посчитала оскорбительным.

Таким образом, в процессе анализа того или иного высказывания на предмет определения его оскорбительности необходим не только учет содержательного и экспрессивно-оценочного компонентов отдельных лексических единиц, но и рассмотрение условий реализации данного речевого акта, при этом целесообразно принимать во внимание региональные разновидности языка.

Источники и принятые сокращения

1. КоАП РФ — *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях. Раздел 2. Особенная часть. Глава 5. Административные правонарушения, посягающие на права граждан. Статья 5.61. Оскорбление. Комментарий к статье 5.61. Оскорбление [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://stkoaprf.ru/5-61.

2. *Конституция* Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

3. МАС — *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1984.— Т. 4. — 782 с.

4. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

5. *Уголовный* кодекс РСФСР : редакции 1926 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://avkrasn.ru/article-683.html.

6. *Уголовный* кодекс РСФСР : утвержден 27 октября 1960 года. Введен в действие с 1 января 1961 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950.

Литература

1. *Бринев К. И.* Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт / К. И. Бринев // Юрислингвистика. — 2011. — № 1. — С. 330—338.

2. *Выявление* признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. — Ярославль, 2013. — 35 с.

3. *Зебницкая А. А.* Проблема квалификации оскорбления как административного правонарушения / А. А. Зебницкая, О. В. Зенякова // Актуальные проблемы развития современного общества : сборник статей 4-ой Международной научно-практической конференции : в 4 томах. — Курск, 2014. — Т. 2. — С. 181—184.

4. *Матвеева О. Н.* Оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме [Электронный ресурс] / О. Н. Матвеева. — 2013. — Режим доступа : https://goo.gl/PQQw1L.

5. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. — 1994. — № 1/2. — С. 50—73.

6. *Саляев В. А.* «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии / В. А. Саляев // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 386—389.

7. *Стернин И. А.* Проблема сквернословия / И. А. Стернин. — Воронеж, 2011. — 21 с.

8. *Чернышова Т. В.* Филологические аспекты русской речевой культуры (на материале речевого акта оскорбления) / Т. В. Чернышова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 389—391.

Legal and Linguistic Contradictions in Concept of "Insult" Interpretation

© **Mageramova Yuliya Yuryevna (2018),** orcid.org/0000-0003-4274-2371, PhD in Philology, Head of Department, Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), mager.u@bk.ru.

The questions of legal and linguistic interpretations of the concept of "insult" are considered. The relevance is determined by the fact that at the present time appeals of citizens to law enforcement agencies in order to protect their honor, dignity, protect themselves from abuse, attempts to humiliate human dignity are still frequent. The authors draw attention to the following: despite the long-term practice of using the article "Insult" in the course of judicial proceedings and, at first glance, all the obvious signs of insult, in the process of law enforcement there are mutually exclusive interpretations and numerous contradictions, which leads to the need to attract experts-linguists. That is why the article focuses on the consideration of different points of view on the insult in the legal and linguistic spheres, and offers the results of their comparative analysis. The question is raised about the need to take into account a number of factors in the process of linguistic examination of the verbal act of insult, including the peculiarities of regional use of lexical units.

Key words: law linguistics; linguistic expertise; insult; invective vocabulary.

Material resources

KoAP RF — *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Razdel 2. Osobennaya chast'. Glava 5. Administrativnyye pravonarusheniya, posyagayushchiye na prava grazhdan. Stat'ya 5.61. Oskorbleniye. Kommentariy k statye 5.61. Oskorbleniye*. Available at: http://stkoaprf.ru/5-61. (In Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda: s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399. (In Russ.).

MAS — Evgenyeva, A. P. (ed.). 1984. *Slovar' russkogo yazyka.* Moskva: Russkiy yazyk. 4.

Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. (In Russ.).

Ugolovnyy kodeks RSFSR: redaktsii 1926 goda. Available at: http://avkrasn.ru/article-683.html. (In Russ.).

Ugolovnyy kodeks RSFSR: utverzhden 27 oktyabrya 1960 goda. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950. (In Russ.).

References

Brinev, K. I. (2011). Problema ekspertnoy otsenki oskorbleniya. Oskorbleniye v pravosoznanii lingvista. Oskorbleniye kak rechevoy akt. *Yurislingvistika, 1:* 330—338. (In Russ.).

Chernyshova, T. V. (2014). Filologicheskiye aspekty russkoy rechevoy kultury (na materiale rechevogo akta oskorbleniya). *Problemy istorii, filologii, kultury, 3:* 389—391. (In Russ.).

Matveeva, O. N. (2013). *Oskorbleniye — unizheniye chesti i dostoinstva, vyrazhennoye v neprilichnoy forme*. Available at: https://goo.gl/PQQw1L. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (1994). Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoye i netsenzurnoye. *Rusistika, 1/2:* 50—73. (In Russ.).

Salyaev, V. A. (2014). «Neprilichnaya forma vyrazheniya» kak problema leksikografii i lingvoekspertologii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury, 3:* 386—389. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2011). *Problema skvernosloviya*. Voronezh. (In Russ.).

Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov, D. L., Shamanova, M. V. (2013). *Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta*. Yaroslavl. (In Russ.).

Zebnitskaya, A. A., Zenyakova, O. V. (2014). Problema kvalifikatsii oskorbleniya kak administrativnogo pravonarusheniya. In: *Aktualnyye problemy razvitiya sovremennogo obshchestva: sbornik statey 4-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Kursk. 2. (In Russ.).